

МАТЕРИАЛЫ И СООБЩЕНИЯ

РЕПИНА Т. А.

О ДАЛМАТИНСКОМ ЯЗЫКЕ И ЕГО МЕСТЕ В ГРУППЕ РОМАНСКИХ ЯЗЫКОВ

История изучения романских языков в нашей стране складывалась таким образом, что интерес исследователей оказался сосредоточенным на живых, ныне функционирующих языках — французском, испанском, итальянском, португальском, румынском, молдавском¹. Вымерший далматинский язык не привлек к себе достаточно пристального внимания². Это нетрудно объяснить, однако вряд ли это можно принять как оправданное положение вещей. Своеобразие формирования романского ареала состояло в дроблении разговорной латыни на многочисленные, отличные от нее и друг от друга разновидности романской речи. Факт существования или вымирания языка не имеет принципиального значения для понимания тех процессов, которые привели к образованию романских языков, а представление о диапазоне возможных реализаций тех или иных направлений исторического развития необходимо иметь во всей их полноте, поскольку вымершие языки исторически также принимали участие в этих процессах. Для романского языкознания изучение далматинского языка имеет важное значение еще и потому, что территориально он находился в балканороманской зоне, дающей пример языков и диалектов, относимых к восточнороманскому типу. Место далматинского по отношению к западно- или восточнороманской языковой структуре не определено, мнения ученых расходятся, что затрудняет решение проблемы классификации романских языков. В настоящей статье, не ставя целью дать исчерпывающее описание строя далматинского языка и предложить окончательное решение проблемы его места в классификации романских языков, мы хотели бы привлечь к нему внимание романистов и поделиться некоторыми соображениями, возникшими в процессе изучения далматинских текстов и истории вопроса.

Далматинский язык был распространен на побережье исторической области Далмации (бывшей римской провинции) и на прилегающих к побережью островах Адриатического моря (в настоящее время эти территории входят в состав Социалистической Федеративной Республики Югославии). Он известен в двух территориальных разновидностях: северной, которую называют вельотским диалектом (иногда название «вельотский» распространяют на язык в целом) и южной (рагузинский или рагузанский диалект). Предполагается существование в древние времена еще одной (центральной) территориальной разновидности далматинского языка. Письменные свидетельства южного диалекта (г. Рагуза, ныне Дубровник) немногочисленны и относятся к периоду XIII—XVI вв. Сведения о северном диалекте (о. Велья, ныне Крк) датируются XIX в. Гипотеза о существовании центрального диалекта (г. Зара, ныне Задар) выдвинута на основании некоторых косвенных свидетельств [3].

Одним из первых обратил внимание на романскую речь города (острова) Велья работавший там в середине XIX в. врач Дж. Б. Кубич, который

¹ О романских языках, их генетической и структурной общности и истории изучения см. [1].

² Высказаны лишь отдельные соображения, главным образом по вопросам исторической фонетики этого языка в соотношении с фонетикой румынского языка [2].

собрал и частично опубликовал в местных изданиях образцы этой речи и некоторые сведения о ее носителях (он не дает специального названия, а пишет об этом языке как об «un antico linguaggio che parlavasi nella città di Veglia»). К изучению данной разновидности романской речи, названной им вельотской, призвал в 70-х годах прошлого столетия известный итальянский лингвист Г. И. Асколи [4]. В 1886 г. профессор одного из австрийских университетов (г. Грац), уроженец полуострова Истрия (г. Ровинь), А. Ивз [5] опубликовал материалы о вельотской речи. А. Ивз анкетировал последнего носителя этой речи, жителя острова Велья³ Антонио Удину по прозвищу Бурбур, которому тогда было 59 лет, а также некоторых других местных жителей, сохранивших воспоминания о вельотской речи.

Термин «далматинский язык» был введен в 1906 г. итальянским филологом М. Дж. Бартоли. В своей известной монографии [6] М. Бартоли анализирует с точки зрения их познавательной ценности и достоверности все доступные ему источники сведений о вельотском и рагузинском диалектах далматинского языка. Он дает исторический очерк условий возникновения, существования и затухания романской речи на территории бывшей римской провинции Иллирии (Далмации). Во второй том его монографии включены записи далматинского языка, в том числе и в первую очередь все то, что рассказал ему о себе и своей жизни Антонио Удина. В исследовании приводится список далматинских слов, дается очерк фонетики далматинского языка, его морфологии и словообразования с учетом исторических изменений. Труд М. Бартоли до сих пор остается наиболее ценным, а в известной степени и единственным источником сведений о далматинском языке, именно на него опираются все более поздние исследования⁴.

Материалы, по которым восстанавливаются факты далматинского языка⁵, объединяются в три группы источников, две из которых дают представление как о фонетике и лексике, так и об особенностях грамматического строя языка, третья — главным образом о словаре и некоторых способах словообразования. Названные группы источников: 1) непосредственные свидетельства человека, владевшего этим языком как родным (Антонио Удины); 2) отдельные слова и предложения, а также краткие (в несколько строк) тексты на далматинском языке, записанные со слов местных жителей, понимавших вельотскую речь, но уже активно ею не владевших⁶; 3) косвенные свидетельства: вельотские слова в латинских и сербохорватских документах и в текстах, написанных на венецианском диалекте итальянского языка, обнаруженных на острове Велья, и данные топонимики этих мест. Среди всех источников особенно ценными являются, конечно, свидетельства Антонио Удины, хотя и они носят до известной степени относительный характер⁷. Предельный срок существования дал-

³ Образование топонима *Veglia* предположительно представляют следующим образом: *Veglia* < позднелат. *vecla* < классич. лат. *vetula* (*vetulus*), уменьшит. к *vetus*, -*eris* «старый, древний».

⁴ Библиографию работ, посвященных далматинскому языку и относящихся к периоду с 1906 по 1966 г., см. [7].

⁵ Поскольку в силу объективных причин наиболее полно письменными свидетельствами представлена северная разновидность далматинского языка, на ее основе обычно и ведется его изучение. Приводимые далее факты и рассуждения также относятся именно к этой его территориальной разновидности.

⁶ Среди источников данной группы — обнаруженные М. Бартоли [6, т. I, с. 15—18; т. II, с. 1—4] записи некоего Мате Карабаича, скончавшегося незадолго до приезда на остров итальянского ученого. Его родственники предоставили в распоряжение М. Бартоли записную книжку покойного. М. Карабаич, славянин по происхождению, сделал ряд записей в 40-х годах XIX в. в возрасте 10—11 лет, когда он обучался в школе совместно с детьми, для которых вельотская речь была родной. Это самые ранние по времени записи северного варианта далматинского языка.

⁷ Лингвистическая судьба последнего носителя далматинского языка складывалась не самым благоприятным для последующих исследователей образом. Бабушка и дедушка общались с ним на их родном языке (вельотском, или далматинском). Родители же предпочитали разговаривать с ним на венецианском диалекте итальянского языка, пользуясь далматинским лишь в общении друг с другом и считая его своеобразным «тайным» языком. Удина говорит, однако, что он понимал этот язык уже с раннего

матинского языка — 1898 г., год гибели А. Удины (от взрыва мины, в возрасте 77 лет).

Изучение далматинского языка затруднено рядом моментов. Это прежде всего отсутствие унификации в записи далматинских слов и форм. При передаче одних и тех же звуков⁸ нередко используются разные буквы и буквенные сочетания, в том числе снабженные диакритическими знаками⁹. Это, во-вторых, большая вариативность самих слов и форм, сохранившихся в памяти носителя языка и тех, кто когда-то общался с носителями далматинского языка¹⁰. И, наконец, трудность состоит в невозможности, в силу ограниченного объема имеющихся данных, полностью восстановить систему языка.

Отсутствие ранних письменных свидетельств далматинского языка в вельотском варианте осложняет изучение процесса формирования его звукового и грамматического строя. Тем не менее наличие необходимых сведений об исходной языковой основе и о конечном этапе истории языка позволяет составить некоторое представление о своеобразии исторических преобразований, которые имели место в данной зоне романского языкового ареала.

Фонетическое развитие далматинского языка носило весьма своеобразный характер. Так, например, с одной стороны, в далматинском языке, подобно тому, как это наблюдалось в итальянском и румынском, но в отличие от испанского и французского, как правило, не происходило протезы гласного, ср. лат. *spina*¹¹ «шип, колючка» > далм. *spaina*, итал. *spina*, рум. *spin*, но исп. *espina*, франц. *épine*; лат. *strictus* «тугой; узкий, тесный» > далм. *strat (striat, struat)*, итал. *stretto*, рум. *strimt* (позднелат. **strictus*), но исп. *estrecho*, франц. *étroit* и т. п. С другой стороны, однако, в далматинском языке наблюдалась протеза согласного (полугласного), не характерная для других романских языков, например: лат. *annus* «год» > далм. *iaín*; лат. *aqua* «вода» > далм. *iaqua*; лат. *oculus* «глаз» > далм. *uaclo*) и т. д.

В отличие от большинства других романских языков, далматинский унаследовал неизменной группу согласных *cl*: лат. *clamare* «громко кричать, звать» > далм. *clamiar*, франц. *clamer*, исп. *llamar* (книжн. *clamar*), итал. *chiamare*, рум. *chema*; лат. *clavis* «ключ» > далм. *kluf (kluw)*, франц. *clef*, исп. *llave* (книжн. *clave*), итал. *chiave*, рум. *cheie* и т. п.

возраста. В школе он обучался немецкому и литературному итальянскому языку. В ходе своей трудовой деятельности он имел дело с носителями сербохорватского языка, фриульского диалекта и ряда других языков и диалектов. В течение примерно 20 последних лет своей жизни Антонио Удина, оставшись единственным носителем далматинского языка, был лишен возможности использовать его как средство общения [6, т. I, с. 21—27].

⁸ Описание системы фонем далматинского языка и их дистрибуции можно найти в монографии Р. Л. Хэдлича [8, с. 57—70].

⁹ Наибольшие расхождения наблюдаются в графическом обозначении восьми согласных, в том числе четырех аффрикат:

[ts]	z c e s s̃ ts	[l']	l' l̃ l̃ gl ly
[dz]	z̃ z̃ z̃ z̃ dz	[n']	ñ ñ ñ gn nj ny
[tʃ]	č č č ch tš	[ɲ]	ñ ñ ɲ
[dʒ]	ǵ ǵ ǵ dǵ gj	[ʒ]	š s̃ s̃ z̃

В настоящей статье применены графические обозначения, использованные М. Бартоли в его собственных записях далматинского языка. В приведенной таблице они даны первыми.

Следует оговорить, что для обозначения полугласного [w] М. Бартоли пользуется знаком краткости под буквой *u*: *puart* «часть»; полугласный йот [j] в его записи обозначается двойкой, как *j* или как *ǵ*: *ǵaǵn* «год». Мы передаем звук [w] буквой *u*, звук [j] — буквой *i* без каких-либо дополнительных знаков, поскольку их произношение как полугласных определено позицией (перед гласным, после гласного, между гласными) и сомнений, как правило, не вызывает: *puart*, *iaín* и т. п.

¹⁰ Ср. зафиксированные в списке слов М. Бартоли варианты существительного со значением «сын» (лат. *filius*, -i): *feil*, *fel'*, *feilǵ*, *fel*, *fucl* [6, т. II, с. 182] или варианты числительного «восемь» (лат. *octo*): *vapto*, *guapto*, *uapto*, *vual*, *uat*, *octo* и т. п.

¹¹ Для удобства изложения в тех случаях, когда основа латинских существительных в номинативе и косвенных падежах совпадала, приводится форма номинатива. Если основа была разной (*imperator*, *imperatoris*), по традиции дается форма аккузатива, номинатив указывается в скобках.

Наибольшее своеобразие далматинского языка проявляется в фонетическом развитии ударных гласных, особенно в открытом слоге. Здесь отмечены следующие регулярные соответствия ¹²:

Лат.	Далм.	Примеры
$\bar{i}$	$> ai$	<i>amicus</i> «друг» $> amaiko$, <i>gallina</i> «курица» $> galaina$, <i>maritus</i> «муж» $> marait$
$\bar{e}$	$> ai$	<i>cena</i> «главная трапеза, обед» $> kaina$ «ужин», <i>cera</i> «воск» $> kaira$, <i>plenus</i> «полный» $> plain$
$\check{i}$	$> ai$	<i>camisia</i> «нижняя рубашка, сорочка» $> kamaisa$, <i>fides</i> «вера, доверие» $> faid$, <i>nivem</i> (nix) «снег» $> nai$, <i>pilus</i> «волос» $> pail$
$\check{i}$	$> ia$	<i>fides</i> $> fiad$, <i>nivem</i> $> niav$, <i>videt</i> «он (она) видит» $> viad$
$\check{e}$	$> i$	<i>bene</i> «хорошо» $> bin$, <i>decem</i> «десять» $> dik$, <i>leporum</i> (<i>lepus</i>) «заяц» $> lipro$
$\bar{a}$	$> u$	<i>caput</i> «голова» $> kup$, <i>mare</i> «море» $> mur$, <i>rarus</i> «редкий» $> rur$, <i>stare</i> «стоять, находиться» $> stur$
$\check{o}$	$> u$	<i>coquere</i> «варить; печь, жарить» $> cicro$, <i>focus</i> $>$ («позднелат.») «огонь» $> fuk$, <i>locus</i> «место» $> luk$
$\bar{o}$	$> au$	<i>colorem</i> (color) «цвет» $> kolaur$, <i>hora</i> «время, час» $> iaura$, <i>imperatorum</i> (imperator) («позднелат.») «император» $> inperataur$, <i>nomen</i> «имя, название» $> naum$
$\check{u}$	$> au$	<i>crucem</i> (cruz) «крест» $> krauk$, <i>gula</i> «глотка, горло» $> gaula$, <i>nucem</i> (nux) «орех» $> nauk$, <i>supra</i> «над, на» $> saupra$
$\bar{u}$	$> oi$	<i>crudus</i> «сырой, необработанный» $> croit$, <i>durus</i> «жесткий» $> doir$, <i>flumen</i> «течение, река» $> floim$, <i>luna</i> «луна» $> loina$

Приведенные данные свидетельствуют о весьма необычных для романского ареала фонетических соответствиях между латинскими гласными и далматинскими звуками. Обращает на себя внимание, в частности, переход $a > u$, дифтонгизация $\bar{i}$, $\bar{u}$, не свойственная другим романским языкам [4, с. 164—168], а также тот факт, что ударный $\check{e}$ в открытом слоге, в отличие от других романских языков, не подвергся дифтонгизации (*decem* $>$ *dik*) ¹³.

Что касается такой важной черты романского исторического вокализма, как изменение гласных заднего ряда, то она, как известно, представлена двумя типами фонетического развития:

	Западнороманский тип				Восточнороманский тип			
Классич. лат.	$\check{o}$	$\bar{o}$	$\check{u}$	$\bar{u}$	$\check{o}$	$\bar{o}$	$\check{u}$	$\bar{u}$
Позд. лат.	$\bar{o}$	$\bar{o}$	$\bar{u}$	$\bar{u}$	$\bar{o}$	$\bar{o}$	$\bar{u}$	$\bar{u}$

Для далматинской зоны восстановить позднелатинский этап оказывается затруднительным. Однако прямое соотнесение латинских гласных с далматинскими, засвидетельствованными в языке XIX в., обнаруживает

¹² Они представлены в монографии Р. Л. Хэдлича [8, с. 72—73]. Мы, однако, предполагаем латинские звуки в иной, несколько более привычной для романистических работ последовательности (от переднеязычных к заднеязычным). Данные, приведенные Р. Л. Хэдличем, были проверены по словарю М. Бартоли [6, т. II, с. 169—236] и текстам, что позволило дополнить таблицу новыми примерами и внести уточнение в отношении $\check{i}$, которое, как оказалось, обнаруживает в открытом слоге под ударением двойное развитие.

¹³ В закрытом слоге под ударением дифтонгизация имела место: $\check{e} > ia$: *ferrum* «железо» $> fiar$, *lente* «медленно» $> liant$, *terra* «земля» $> tiara$. П. Губерина [9, 10] объясняет дифтонгизацию ударных гласных влиянием на далматинский язык славянских (чакавских) говоров. Он выделяет три периода в истории далматинского языка: старовельютский (X — XII вв.), средневельютский (XIII — XVIII вв.) и современный вельютский (XIX в.) и доказывает, что в первый период гласные в далматинском языке вообще не подвергались дифтонгизации, во второй период дифтонгизация имела место лишь в некоторых случаях. Таким образом, в соответствии с его точкой зрения, дифтонгизация, наблюдаемая в далматинском языке XIX в., представляет собой сравнительно позднее явление.

единый результат развития латинских *ō* и *ū* в открытом слоге под ударением:

Классич. лат.	<i>ō</i>	<i>ō</i>	<i>ū</i>	<i>ū</i>
Далм. язык XIX в.	<i>u</i>	<i>[-au-]</i>	<i>oi</i>	

Мнение Р. Л. Хэдлича [8, с. 86] о том, что «в латинском языке Вельи система гласных с начала седьмого века была той же, какой ее предполагают в ранний период для всех западнороманских языков..., и существенно отличалась от восточной группы», хотя оно и оспаривается некоторыми исследователями [11], заслуживает внимания и дальнейшей тщательной проверки с использованием всех существующих источников сведений о далматинском языке.

Засвидетельствованные в записях далматинского языка грамматические формы, хотя и не дают полной картины, позволяют составить некоторое представление о его грамматическом строе.

Существительное в далматинском языке изменялось по родам и числам: ед. ч. муж. р. *amaic* (*amaiko*) «друг» — мн. ч. муж. р. *amaiki* (*amaič*) — ед. ч. жен. р. *amaika*, мн. ч. жен. р. *amaike*, однако в ряде случаев флексия отсутствовала и единственным показателем рода и числа существительного становился сопровождающий его артикль (детерминатив со значением «этот, тот» и др.): *el* (*ioin, kost, kol*) *buč* «вола» — мн. ч. *i* (*kosti, koli*) *buč*; *la* (*ioina, kosta, kola*) *nuat* «ночь» — мн. ч. *le* (*koste, kole*) *nuat*. Обычное место определенного артикля и детерминативов — в препозиции к существительному. Способностью к склонению существительное, артикли и детерминативы в далматинском языке не обладали, падежные отношения передавались предложениями: *la ruoma*¹⁴ *del iarber* «ветвь дерева», *ioina baret di luona de le beste* «берет из шерсти животных»; (*iu*) *la dua al pauper* «я отдал ее бедняку».

Прилагательные в большинстве случаев изменяются по родам и числам: *vetruñ* «старый», *-i, -a, -e*. В некоторых случаях форма прилагательного остается неизменяемой, ср.: *ioin pais foriast* «чужая страна» и *kuolke laŋga foriast* «какой-нибудь иностранный язык». Ср. также: *gruond* «большой, -ие» (ед. ч. и мн. ч. муж. р.), но (жен. р.) *gruonda* (ед. ч.), *gruonde* (мн. ч.).

Степени сравнения прилагательных образуются при помощи наречия *ple*: *ple vetruñ* «старший (старше)», *ple buñ* «лучший (лучше)» (сравнительная степень); *ple buñ de toči* «самый хороший из всех» (превосходная степень), например: *iara uñ iom ple rispetabil de toči kuinč perko el era re!* «это был самый уважаемый человек из всех (сколько их было), так как это был король» [6, т. II, с. 21].

Парадигма личных местоимений представлена ударными и неударными формами. Она восстанавливается, однако, лишь частично, поскольку некоторые формы не засвидетельствованы. В парадигме местоимений обращают на себя внимание следующие моменты: 1) вариативность форм, ср.: *ial fero vetruñ* «он был стариком»; *el fero muart* «он умер»; (*ial, el* «он»); *soñ iu* и *soñ main* «со мной» и т. п.; 2) употребление в качестве ударных форм 1-го и 2-го л. мн. числа местоимений *noiltri, voiltri*, например: *kuoñ ke se inkontrume noiltri ke favlume, kosaik in veklisuñ* «когда собирались мы, которые говорили по-вельотски» [6, т. II, с. 9], ср. в испанском: *nosotros, vosotros* (итал. *noi altri*, франц. *nous autres*).

Притяжательные местоимения встречаются в текстах только в формах 1-го и 3-го лица. Они ставятся перед существительным, имеющим при себе определенный артикль, как в итальянском: *i forlañ favlua toč ne la sua laŋga* «фриульцы всё выражали на своем языке» [6, т. II, с. 11], в том числе,

¹⁴ Буквенное сочетание *uo* используется в записях, осуществленных М. Бартоли, который квалифицирует его как «висящий» (восходяще-нисходящий) дифтонг [6, т. II, с. 319—320]. Р. Л. Хэдлич, однако, рассматривает его как аллофон [u] и в особый звуковой тип не выделяет [8, с. 64—65]. В текстах, собранных М. Бартоли, одни и те же слова в однотипных контекстах записаны то через *u*, то через *uo*, ср.: *tra di a dorut el fuok* «три дня длился пожар (букв. огонь)» и *e-l praito dai, ke fero el fuk* «и в первый день, как поыхал пожар (букв. как был огонь)» [6, т. II, с. 7]. Мы сохраняем запись М. Бартоли (*uo*), но без надстрочного и подстрочного знаков.

в данном случае в отличие от итальянского, и при именах родства: *el mi tuota* «мой отец», *la maia niēna* «моя мать».

Относительное местоимение имело неизменяемую форму *ke*: *i vetruni ke sapaia favlur iñ veklisuñ* «старика, которые умели говорить по-вельотски»; *la vetruna ke se klamua...* «старушка, которую звали...».

Количественные числительные поддаются наиболее полному восстановлению: *ioin* (жен. р. *ioina*), *doi* (жен. р. *doie*), *tra*, *quatro*, *čĩnk*, *sis*, *sapto*, *vapto*, *ni*, *dik*; *dikioñko*, *dikdoi*, *diktra*, *quatuarko*, *dikčĩnk*, *setco*, *diksapto*, *dikvapto*, *dikinu*, *viant*, *viant ioin (doi)*; *tranta*, *quaranta*, *ciñkuanta*, *sessuanta*, *septuanta*, *octuanta*, *nonuanta*, *ziant*; *mel* ¹⁵.

Засвидетельствованы некоторые формы порядковых числительных: *praimo* «первый», *trato* «третий», *siapto* «седьмой», *vatvo* «восьмой» и т. п. Они изменяются по родам: *el trato dai* «третий день», но *di trata klas* «третьего класса». Имеются собирательные числительные, например, *kuarantaina* «сорок» (ср. итал. *quarantina*, франц. *quarantaine*).

Глаголы в далматинском языке группируются по четырем типам (группам) в зависимости от формы инфинитива:

- I -*ur*: *favlur* «говорить», *gokur* «играть», *levur* «брать»
- II -*ar*: *bar* «пить», *mirar* «умереть», *vedar* «видеть»
- III -*ro*: *debro* «сказать», *puoscro* «спасти», *rakalgro* «собирать»
- IV -*er*: *koprér* «закрывать», *piárder* «терять»

В историческом плане, как видно из приведенных иллюстраций, наблюдался, как и в других романских языках, переход глаголов из одного типа в другой, ср. позднелат. *morire* (IV) > далм. *mirar* (II); лат. *perdere* (III) > далм. *piarder* (IV) и др.

В записанных исследователями далматинских текстах относительно регулярно употребляются три времени индикатива: презенс, имперфект, сложный перфект. Последний образуется при помощи вспомогательного глагола *avar* «иметь» и причастия прошедшего времени: *iu iai stat a skol tra iain* «я учился (букв. оставался) в школе три года»; *iñ slav iu no iai mui studiut* «на славянском (языке) я больше не обучался»; *el profesaur ive iu det ke...* «профессор Ивэ сказал, что...» [6, т. II, с. 9, 13, 15] ¹⁶.

Поддаются восстановлению два относительно регулярных типа парадигмы спряжения: один на -*ia* для первой группы (I) глаголов и другой на -*ia* для всех остальных групп (II—IV). При этом одна и та же парадигма чаще всего выражает не только презенс индикатива и конъюнктива, но и имперфект индикатива, иными словами, трем временам соответствует по существу одна парадигма, в которой, к тому же, совпадают по форме все лица единственного числа и третье лицо множественного числа ¹⁷.

Парадигма глаголов <i>favlur</i> и <i>debro</i> :			
Ед. ч.	1 <i>favlua</i>	Ед. ч.	1 <i>dekáia</i>
	2 <i>favlua</i>		2 <i>dekaia</i>
	3 <i>favlua</i>		3 <i>dekaia</i>
Мн. ч.	1 <i>favlume</i>	Мн. ч.	1 <i>dekaimē</i>
	2 <i>favlute</i>		2 <i>dekaite</i>
	3 <i>favlua</i>		3 <i>dekaia</i> ¹⁸ .

¹⁵ Мы отвлекаемся от многочисленных вариантов форм количественных числительных, ср.: *dikioñko*, *ioñko* «одиннадцать», *dikdoi*, *dotko* «двенадцать», *diktra*, *tretko* «тринадцать», *dikvarto*, *dichidarto*, *dikduat* «восемнадцать» и т. д. [6, т. II, с. 169—236]. Выявить регулярности использования той или иной формы не удастся, они находятся в отношении свободного варьирования.

¹⁶ Впрочем, ср.: *el fero muar* «он умер». М. Бартоли при переводе этого примера на итальянский язык использует сложный перфект. Возможно, образование данной глагольной формы в далматинском языке производилось в отдельных случаях также при помощи вспомогательного глагола *saitē* «быть». Скорее всего, однако, *fero* — это имперфект глагола *saitē*, а вся форма — аналитический плюсквамперфект глагола *mirar*. Вопрос нуждается в специальном изучении.

¹⁷ Поскольку употребление времен поддается восстановлению в основном по записям речи А. Удины, возможно, что в его памяти сохранилась лишь парадигма настоящего времени индикатива, которую он и воспроизводит независимо от условий контекста и передаваемого ею значения.

¹⁸ Некоторые глаголы имеют особую парадигму спряжения; например, глагол *vener*: *iu viñ*, *te viñ*, *ial (iala) vine* и т. д. Что касается приведенной парадигмы глагола *debro*, то М. Бартоли в грамматическом очерке отмечает также возможность использования в 1-м л. ед. ч. формы *dekaia*, во 2-м л. ед. ч. — *dekai* [6, т. II, с. 391].

Формы других времен встречаются спорадически и не дают оснований для восстановления соответствующих парадигм, ср. будущее время *venaro* «я приду, он придет», *barme* «мы выпьем»; плюсквамперфект индикатива(?): *avas piers* «я (он) потерял» и т. п.

Неличные формы глагола представлены инфинитивом, причастием прошедшего времени (*favlut*, *piers*, *vedut* или *vedoit* и др.) и деепричастием (*favlund*, *plangand*, *vedando* и т. п.).

Конкуренции инфинитива и конъюнктива в приглагольной позиции, как в румынском, не наблюдается, ср.: *ma i felgi no-i saraia naiika nol'a favlur kosaik in forlan* «но сыновья уже не умеют (не умели) так говорить по-фриульски» и в румынском: *dar fiii nu mai stiu (stiau) sa vorbeasca asa (de bine) dialectul friulan*.

В функции наречия используются главным образом прилагательные: *kantua biin* «он хорошо поет (пел)». Суффиксальные образования единичны: *fuartemiant* «сильно».

Основу засвидетельствованной лексики составляют слова латинского фонда: *avar* < *habere*, *bin* < *bene*, *dekro* < *dicere*, *diant* < *dentem* (*dens*), *floim* < *flumen*, *frutro* < *fratrem* (*frater*), *iom* (*iomno*) < *homo* (*hominem*) и многие другие. В области абстрактной лексики преобладают заимствования из итальянского: *afet* (итал. *effetto*), *alegrai* (итал. *allegria*), *sostuanza* (итал. *sostanza*) и др. Ряд слов заимствован из сербохорватского языка, например, *niena* «мать» (сербохорв. *nena*), *ninapto* «жених», *ninapta* «невеста» (ср. серб.-хорв. *нинати* «качать ребенка»), *trok* «юноша, мальчик» [др.-сербохорв. *отрокъ* «несовершеннолетний», ср. болг. (устар.) *отрѣк* «мальчик», русск. (устар.) *отрок*, др.-руссск. *отрокъ* «слуга, работник» [12]] и т. п.

В области словообразования наиболее распространенным способом создания новых слов является суффиксация, ср.: *mor* «стена» — *murataur* «каменщик», *bial* «красивый» — *beliaz* «красота» и т. п. Обозначение людей и животных разного пола осуществляется либо при помощи окончаний: *trok* «юноша» — *troka* «девушка»; *kavul* «лошадь» — *kavula* (жен. р.), либо сушлетивно: *tuota* — *niena*.

Словообразование и словоизменение могут сопровождаться чередованием звуков, в основном чередованием гласных. Наиболее характерные из них:

Неударная позиция	Ударная позиция	Примеры
e — [	i	<i>vener</i> «приходить» — <i>vine</i> «он приходит»
	a	<i>kresua</i> «я расту» — <i>kraskro</i> «расти»
	ai	<i>kenur</i> «ужинать» — <i>kaina</i> «ужин»
	ia	<i>pensuar</i> «думать» — <i>pians</i> «он думает»
o — [	a	<i>rakolua</i> «я собираю» — <i>rakalgro</i> «собирать»
	u	<i>sonuar</i> «звонить» — <i>suna</i> «он звонит»
	ua	<i>portur</i> «нести» — <i>puarta</i> «он несет»
u —	o	<i>murataur</i> «каменщик» — <i>mor</i> «стена»
a —	u	<i>maknur</i> «молоть (муку)» — <i>mikna</i> «жернов»

Чередования согласных, судя по имеющемуся материалу, немногочисленны, они представлены единичными случаями палатализации конечного согласного при образовании формы множественного числа существительных, ср.: *puark* «свинья» — *puarč* (мн. ч.), *diant* «зуб» — *dianč* (мн. ч.).

Сказанное о далматинском языке может дополнить приводимый ниже фрагмент текста из рассказа Антонио Удины, который воспроизводится в записи М. Бартоли (с коррективами, отмеченными в примечаниях 9 и 14):

el mi tuota e-l su fero d-akuard ke furme el matrimoñ noiiltri doi; e dapu iu iai kaminut... viant kal... e ple! a verbenik, per kost a fur del matrimoñ... ma iu se iai stufat, perko iu iai avut taima dei troki, de kuolke pitra ke-i me butua... e kosaik iu iai piers la ninapta per kualp de koli troki... [6, т. II, с. 13] «Мой отец и ее (отец) согласились, чтобы мы с ней (букв. мы оба) поженились; и потом я ездил... двадцать раз... и больше в Вербеник по этому делу женитьбы... Но я отступился, так как испугался парней, которые ки-

дали в меня камнями (букв.: испугался нескольких камней, которыми они меня били)... И таким образом я потерял невесту по вине этих парней...».

Среди приведенных выше грамматических характеристик далматинского языка обращают на себя внимание особенно следующие три: 1) препозиция определенного артикля; 2) передача падежных отношений при помощи предлогов и, следовательно, отсутствие в далматинском языке склонения существительных; 3) отсутствие конкуренции инфинитива и конъюнктива в приглагольной позиции. Языки, относимые к группе восточнороманских (румынский, молдавский), обнаруживают, как известно, реализацию прямо противоположных черт, а именно постпозицию определенного артикля, наличие склонения существительных, ярко выраженную конкуренцию инфинитива и конъюнктива в приглагольной позиции. Расхождения такого типа можно, вероятно, отнести к числу типологических, поскольку они затрагивают структуру языка в целом.

Сходства и различия языков особенно наглядны при сопоставлении одних и тех же словосочетаний (в приведенном выше отрывке далматинского текста мы выделили их полужирным шрифтом):

Далматинский язык	Румынский язык
<i>kost afur del matrimoñ</i>	<i>această treabă a căsătoriei</i>
<i>la ninapla</i>	<i>logodnica</i>
<i>(per kualp) de koli troki</i>	<i>(din vina) acelor băieți</i>

Ср.:

Итальянский язык	Французский язык
<i>quest'affare del matrimonio</i>	<i>cette affaire du mariage</i>
<i>la sposa</i>	<i>la fiancée</i>
<i>(per la colpa) di quei ragazzi</i>	<i>(par le tort) de ces garçons</i>

Все сказанное дает, как нам кажется, основания говорить о том, что далматинский язык представлял западнороманский тип грамматической структуры ¹⁹.

Рассматриваемые в настоящей статье вопросы заставляют задуматься, помимо проблемы классификации романских языков, также над некоторыми другими вопросами романского языкознания, и прежде всего над проблемой единства или диалектальности самой народной латыни. Несходство типов структуры у языков, территориально расположенных в смежной зоне, наводит на мысль о том, что уже в недрах латыни на Балканском полуострове, вероятнее всего в силу разной хронологии романизации соответствующих областей, сложились две ее территориальные разновидности ²⁰. Это, в свою очередь, позволяет с большей определенностью говорить о сравнительно ранней дифференциации территориальных вариантов латинской разговорной речи, легшей в основу будущих романских языков, и проливает некоторый дополнительный свет на проблему их формирования.

С другой стороны, факты далматинского языка свидетельствуют о том, что в области грамматики далматинский язык, территориально относящийся к балканороманской зоне, остался за пределами области балканского лингвистического взаимодействия (такие черты, как постпозиция определенного артикля или вытеснение инфинитива конъюнктивом, относятся, как известно, к числу наиболее показательных балканизмов). Вопрос о причинах подобного положения вещей остается открытым.

¹⁹ Мнения ученых по данному вопросу расходятся (см., например, [13, с. 56, карта 9; 14]). Впрочем, вопрос решался до сих пор на основе фонетических критериев. Наиболее справедливой представляется классификация К. Тальявини [15], который, хотя и с некоторыми оговорками, относит далматинский язык к итало-романской подгруппе.

²⁰ Аналогичную мысль, доказывая, правда, в плане интересующих нас вопросов прямо противоположное мнение о том, что далматинский язык, наряду с румынским, относится к восточнороманским языкам, высказала А. В. Широкова: «Экстралингвистические факторы, т. е. разное время завоевания провинций, ... способствовали распадению прото-балкано-романского диалекта на два самостоятельных: прото-далматинский и прото-румынский (во II—IV вв. н. э.), положивших начало самостоятельному развитию этих языков» [2, с. 221].

Изложенное, как нам кажется, делает очевидной необходимость включения далматинского языка в круг лингвистических исследований, говорит в пользу дальнейшего последовательного и углубленного изучения этого весьма своеобразного романского языка.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алисова Т. Б., Репина Т. А., Таривердиева М. А. Введение в романскую филологию. М., 1982.
2. Широкова А. В. Периодизация балкано-романских диалектов (На материале вокализма румынского и далматинского языков).— В кн.: Лингвогеография, диалектология и история языка.— Кишинев, 1973, с. 218—232.
3. Rosenkranz B. Die Gliederung des Dalmatischen.— ZRPh, 1955, Bd. 71, Hf 3—4.
4. Ascoli G. I. Saggi ladini.— AGI, 1873, v. 1, p. 433—447.
5. Ive A. L'antico dialetto di Veglia.— AGI, 1886, v. 9, p. 115—187.
6. Bartoli M. G. Das Dalmatische. V. I—II. Wien, 1906.
7. Muljačić Ž. Bibliographie de linguistique romane. Domaine dalmate et istriote avec les zones limitrophes (1906—1966).— Revue de linguistique romane, 1969, t. 33, № 129—130, p. 144—167; № 131—132, p. 356—391.
8. Hadlich R. L. The phonological history of Vegliote. Valencia, 1965.
9. Guberina P. La diphtongaison vegliote est-elle une diphtongaison romane?— Atti [del] VIII Congresso Internazionale di studi romanzi, v. II: Comunicazioni, pt. 2—3. Firenze, 1960.
10. Guberina P. Le problème de la diphtongaison en vegliote.— Studia romanica et anglica zagrabiensia, 1960, № 9—10.
11. Rosetti A. Sur l'appartenance du dalmate.— In: Festschrift Walther von Wartburg zum 80. Geburtstag. Bd. I. Tübingen, 1968.
12. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. М., 1971, т. III, с. 172—173.
13. Wartburg W. von. La fragmentation linguistique de la Romania. Paris, 1967.
14. Vidos B. E. Manual de lingüística románica. Madrid, 1963, p. 265, 315.
15. Tagliavini C. Le origini delle lingue neolatine. Introduzione alla filologia romanza. 6. ed. Bologna, 1972, p. 354—355.